

ДАМИЯ БАРДЕРА

[165]

ИЛ 10/2020

Мини-рассказы

Перевод Елизаветы Бухгольцевой

Карусель

У меня, как и у всех детей, была мечта. Я родился без ног и хотел, чтобы меня усадили верхом на конька на карусели, а затем никогда больше оттуда не спускаться, слиться с ним воедино — наполовину мальчик, наполовину лошадка, — стать одним целым, взмывать вверх и вниз под ритм ярмарочной музыки, и кружиться, кружиться. Каждый раз, проносясь перед родителями, я бы отпускал блестящий шест, вскидывал руки и улыбался: “Пока-покааааа!”. Они же, мама с папой, стояли бы и гордо махали мне издалека, а инвалидное кресло всегда было бы рядом с ними. И мама плакала бы, едва потеряв меня из виду, а затем снова улыбалась, когда ее сын появлялся бы на помосте, а отец смотрел бы на меня такими грустными и покорными глазами, как бык, идущий на бойню. И они вечно ждали бы очередного возвращения мальчика без ног, мальчика на карусели. Улыбка навсегда застыла бы у них на лицах, и все трое оставались бы там, никогда не унывая, снова и снова возвращаясь к жизни.

© DAMIÀ BARDERA (Un circ al pati de casa) by permission of the EDICIONS 62 S.A.

© ЕЛИЗАВЕТА БУХГОЛЬЦЕВА. Перевод, 2020

В детстве у нас с сестрой был питомец — домашний бурый медведь. Это было здорово. Но каждый раз на улице нам приходилось привязывать его на цепь и заставлять идти на четвереньках, как собаку или свинью. По воскресеньям мы являлись в церковь, опустив головы, будто извиняясь. Все были до смерти перепуганы, даже священник, и мы в полной тишине садились на задние скамьи, подальше от людей.

Во время обряда соседи искоса смотрели на нас, беспокоясь, как бы зверь не вырвался и не устроил кровопролитие в доме Божьем. Когда же наступало время причастия, мы всегда подходили последними, и священник протягивал нам облатку дрожащей рукой. Но со временем, запасшись терпением, мы завоевали доверие священника и прихожан. Тогда уже даже пропала необходимость водить медведя на привязи. Он служил алтарником и ходил по церкви на задних лапах; всем улыбался и, подавая лапу на прощание, никогда и ни перед кем не выпускал когти.

Наш домашний медведь был дружен со всеми и постепенно превращался в самый настоящий символ для жителей деревни. Каждое воскресенье он проходил по храму с чашей для подаяний, и наша церковь разбогатела. Люди со всей округи приезжали, чтобы увидеть медведя и побеседовать с ним по душам. Он умел выслушать и проявить сочувствие. Поэтому священник, человек очень хитрый, заставил зверя подписать контракт, поставил новую исповедальню и запихнул медведя внутрь.

Успех был баснословным. Каждый, кто побывал у него, возвращался успокоенным. Во время исповеди зверь протягивал лапу через щелку в кабинке, и люди могли гладить ее сколько хотели. Лапа медведя была чудотворной. Несколько лет спустя желающие даже выстраивались в очередь на исповедь. Постепенно деревня становилась местом паломничества, пунктом, обязательным к посещению для всех, у кого были проблемы. И медведь проводил день и ночь в исповедальне, протягивая лапу всем, кто в этом нуждался. Он даже не убирал ее, когда один посетитель уходил, а другой еще не появлялся. Шли годы, а он все не вытаскивал лапу из окошечка. Моя сестра, беспокоясь о здоровье медведя, предложила пойти исповедаться и спросить, счастлив ли он там, внутри.

Проведя пару дней в очереди, мы наконец попали в кабинку, и, действительно, лапа лежала там: такая жесткая, мохна-

тая, с блестящей шерстью. Но вместо исповеди мы спросили медведя, счастлив ли он. Ответа не последовало. Мы повторили вопрос еще пару раз — и снова без ответа, медведь молчал. Тогда мы отодвинули шторку исповедальни и увидели, что он был давно мертв. Нетленный, но совсем мертвый. Мы оба принялись без устали гладить его лапу — сначала я, потом сестра, — как в детстве, пока спустя какое-то время наконец не почувствовали себя лучше и не вышли из кабинки. Об увиденном мы никому не сказали ни слова.

Холст, масло

ДЕТСКАЯ любовь длится долго. Я влюбился в Алисию еще совсем мальчишкой. Она в ту пору тоже была совсем молоденькой. Алисия прекрасно рисовала и стала со мной из-за своих родителей. Они переехали далеко, очень далеко — за границу. Прежде чем уехать, она написала свой автопортрет маслом на холсте — ее ангельское лицо крупным планом — и подарила мне его.

“Ты узнаешь меня, когда мы снова встретимся”.

Подарок был в самом деле особенным. Я понял это спустя некоторое время, когда на портрете Алисии сменилась прическа. С тех пор я внимательно его рассматривал. Каждый день менялась какая-нибудь маленькая, почти незаметная деталь: цвет лица, щек, губ, ресниц...

Прошли годы, и как ее, так и моя внешность сильно изменились и уже не имели ничего общего с теми светлыми детскими лицами. Но я все так же был в нее влюблен. Страшно влюблен. Ни к какой другой женщине у меня не лежало сердце. Я все еще лелеял надежду вновь увидеть ее, жениться на ней, вместе путешествовать, завести детей...

К сорока годам я было потерял всякую надежду и вдруг снова ее встретил. В поезде. В будний день. Она была в разводе, с тремя детьми от двух разных мужчин и работала кассиром в супермаркете. “Ты продолжаешь писать картины?” — спросил я. Она не ответила, а я не стал настаивать.

Уже на следующий день она переехала ко мне с тремя детьми — шестнадцати, десяти и восьми лет — и двумя пекинесами, которые, едва я открыл дверь, принялись лизать мои парадные ботинки и носки в ромбик. Прелестные создания. Я упаковал портрет — ей больше нравилось смотреться в зеркало — и положил его на чердак, между старой мебелью и коробками всех возможных размеров. И мы поженились. Но не за-

вели детей. Сразу после медового месяца я сделал вазектомию.

Ни дерзости трех ее детей, ни лужи, которые вечно оставляли пекинесы по всем углам, не заставили меня разлюбить ее. Я был счастлив. Других женщин для меня не существовало. Каждый день, рано утром, когда Алисия еще спала и не успевала вымазаться косметикой, я вглядывался в каждую деталь: уши, губы, нос, морщины, брови, щеки... Я так долго смотрел на нее, что совсем забыл тот автопортрет, который изучал каждый день в течение многих лет.

Однажды утром, когда никого не было дома, копаясь на чердаке, я наткнулся на картину. Это привело меня в такой восторг, что я тут же снял упаковку и смахнул с нее пыль. Я снова и снова вглядывался в изображение, совсем растерянный, потому что увидел на нем незнакомое лицо. К счастью, резкий звонок в дверь привел меня в себя. Я наспех снова упаковал картину, спустился и посмотрел в глазок. Это была Алисия: она возвращалась от врача и забыла ключи.

На четвереньках

МАЛЬЧИК, брошенный в горах, вырос среди волков. Он ходит на четвереньках, воет и чешет ухо задней лапой.

Однажды беспощадный охотник убивает в одиночку восемь членов стаи. В живых остается только ребенок и маленькая волчица.

Волчица брошена на произвол судьбы — она не выживет; мальчика же отвозят в цивилизацию.

Парикмахер обривает мальчика, брошенного в горах, пока журналисты фотографируют его. Власти хотят, чтобы он освоил прямохождение как можно скорее.

Стайка физиотерапевтов окружает мальчика, брошенного в горах, круглосуточно. Его заставляют выполнять всевозможные упражнения. Общаются они с ним, разумеется, с помощью жестов.

Логопеды и академики-лингвисты изучают вербальные способности мальчика, брошенного в горах. Нельзя исключать, что разнообразные завывания, которыми он располагает, имеют собственный грамматический строй.

Прошло два года. Мальчик, брошенный в горах, уже умеет выделять прямое дополнение в простом предложении. Он сильно продвинулся. Он ходит прямо, говорит на нормативном и

соответствующем ситуации каталанском языке, понимает основные нормы этикета, необходимые для жизни в обществе, и соблюдает их.

Прошло четыре года. Мальчик, брошенный в горах, уже способен различать относительные придаточные предложения и даже может выделить в них основные члены. Его конек — это порождающая грамматика. Он ежедневно бреется и каждое утро сбрызгивается одеколоном, который сам и рекламирует по телевизору.

Теперь прошло шесть лет. Мальчик, брошенный в горах, получил диплом по сравнительному языкознанию и к настоящему моменту получил исследовательскую стипендию для написания докторской диссертации. Он проведет пару лет в горах среди волков, все издержки покрывает программа. Он будет изучать их завывания, опишет результаты своих наблюдений и затем сделает соответствующие выводы.

Мальчик, брошенный в горах, уже доктор наук в сравнительном языкознании. Научное светило в своей области. Власти специально для него создали кафедру под названием “Зверское языкознание”. Открытие подобного центра — а затем и других на территории всей страны — позволит лучше понимать звериные привычки. Кафедра получит финансирование и будет выделять стипендии для достаточного количества детей, которых с младенчества будут бросать в горах.

Клетка

БЫЛА на свете одна деревня, а в деревне висела клетка. В ней жил попугай, который только и умел говорить, что: “Я тебя люблю”. Никто не знал, как он этому научился.